

Еще буду служить я за веру, за отечество,
 А й буду стоять за стольный Киев-град,
 А буду стоять за церкви за господнии,
 А буду стоять за князя за Владимира
 И со той Опраксой-королевичной.

После этих слов Илья Муромец уходит в поле и начинает биться с татарами.¹⁹

Сходство и различие былины и «Повести» очевидны. В былине действие, как обычно, прикреплено к эпическому Киеву. Илью Муромца не ранят и не убивают — он сам побеждает врага. И предложение царя, и отказ богатыря разработаны с присущей былинам обстоятельностью, в духе народно-эпических представлений о героизме. Есть былинные тексты, в которых аналогичный мотив разрабатывается в формах, еще более близких к «Повести». Курган-царь велит своим приближенным расправиться с Суругой, отказавшимся перейти к нему на службу:

Вы го-гой еси, татары уланы!
 Вы возьмите Суругу за белы руки,
 Поведите вы собаку во куземку,
 Вы набейте обручки железные,
 Вывозите его во чистое поле,
 Вы изрежьте его в части мелкие,
 Раскидайте его по чисту полю».²⁰

Возводить эпизод «Повести» непосредственно к былине у нас нет достаточных оснований. Но можно предположить, что между былиной и «Повестью» стоял неизвестный нам песенный сюжет. Пример с песней о Евпатии Коловрате показывает, как могли возникать старшие исторические песни. У них могло быть по крайней мере три источника: историческое событие, дававшее основной материал для творчества; художественный вымысел, который служил задачам осмысления события; образы и мотивы эпоса, подвергавшиеся творческой переработке.

Былинный мотив о богатыре, отказывающемся перейти на службу к вражескому царю, получил новое качество в формах исторической песни. Он был применен к реальному историческому лицу и к исторически конкретному событию; он был освобожден от эпической обработки; были введены новые мотивы, усиливавшие драматизм и достоверность ситуации (пленение раненого героя, казнь его после отказа). Трудно сказать, ограничивалось ли все содержание песни рамками эпизода, известного по «Повести», или оно было шире. Последнее более вероятно.

Что наши предположения о существовании исторической песни, героем которой был Олег (или какой-то другой князь), не беспочвенны, доказывают материалы фольклора позднего времени. Чрезвычайно близка к предполагаемой песне по сюжету песня о гибели князя Семена Романовича Пожарского (первая половина XVII в.). Начало этой песни, может быть, позволяет представить контуры песни XIII в. в той ее части, которая не отражена в «Повести». Здесь действие начинается с картины вражеского наступления. Враги вызывают поединщика. Вызов принимает князь Пожарский. Он побеждает в поединке, но татарам удается захватить его в плен. Пожарского привозят к хану, который предлагает ему:

¹⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 31.

²⁰ Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894, стр. 239.